

**ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ:
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ**

Данная статья представляет собой попытку ухода от парадигмы позитивистски ориентированной науки, редуцирующей личностное к функции социального, и поиска основ методологии исследования личности на стыке индивидуального и социального уровней. Проблема отношения личности и власти — тот конкретный предмет исследования, который позволит осуществить эту попытку. Изначально отказываясь от претензий на окончательные выводы и определения, я попытаюсь взглянуть на эту проблему изнутри, с точки зрения «негативной рефлексии» личности, погруженной в контекст социокультурных и политических условий и перипетий ее бытия в современной России.

Проблема отношения личности и власти для меня — это внутренняя проблема личности, проблема рефлексии и самоопределения доминирующего в данном обществе типа личности, носителями которого могут быть как представители масс, так и элиты, несмотря на имеющиеся между ними различия. Идентификация личности с властью представляет собой субъективное измерение проблемы положения индивида в изменяющемся российском обществе, его места в социальной структуре, меры его участия и влияния на управление обществом, а следовательно, его роли в государстве, во взаимодействии со структурами власти.

Многочисленные публикации констатируют системный кризис российского общества и связанный с ним кризис власти¹. Оптимистические прогнозы начала 90-х гг. сменились скептическими суждениями конца века: упование на быстрое вхождение России в число цивилизованных стран со свойственными им гражданским

* Фан Ирина Борисовна — научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, кандидат философских наук.

¹ См., напр.: Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997.

обществом и правовым государством уступило место признанию, что в России продолжается и углубляется распад тоталитаризма, чреватый стохастическими процессами, возвратом к варварству и архаике, перерождением тоталитарных структур, криминализацией и деградацией общества. Осмысление итогов эпохи реформ подводит к заключению об их декларативности по отношению к обществу в целом и об их действительной значимости исключительно для формирования новой элиты и поддерживающей ее бюрократии¹.

Однако данный процесс отнюдь не завершен, консолидация элитных групп маячит где-то за горизонтом. В реальности наблюдается циклическое развитие (от относительного затишья к обострению и временному частичному разрешению конфликтов) конкуренции элитных групп, сопровождающееся постоянными переделами государственной и иной собственности и власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Дестабилизирующая роль этих процессов сказывается на деформации функций государства (власти), превращающегося в посредника между основными корпоративными структурами и отраслями (их верхушка и составляет костяк элитных групп), попустительствующего концентрации национальной собственности в руках элиты, зависимого (в силу «комплекса неполноценности» госчиновничества, чреватого коррупцией) от корпораций и реализующего их интересы в управленческих решениях в ущерб эффективной социальной политике и действительному реформированию общества².

Отсутствие консолидации властных элит ведет к дезинтеграции общества в целом. Это процесс, обратный становлению гражданского общества. Уровень стабильности или интеграции общества можно рассматривать под углом зрения социальной структуры. Основные тенденции в динамике социальной структуры реформи-

¹ См.: *Заславская Т.И.* Социальная структура России: главные направления перемен // *Куда идет Россия?* С.175.

² См.: *Перегудов С.П.* Корпоративные интересы и российское государство // Там же. С.204.

руемой России с точки зрения ведущих исследователей выглядят следующим образом¹. Социальная структура современной России представляет собой неустойчивое и противоречивое наложение двух основных структур — старой, советской, этакратической как иерархии рангов в зависимости от места социальной группы в системе власти и управления (политическая власть здесь — основной стратифицирующий фактор) и новой, слоевой, формирующейся на основе взаимодействия политического и экономического факторов. Уровень дохода (материальное положение) становится основой новой стратификации, однако он сам есть результат высокого политического статуса в старой социальной структуре, поскольку капитал возникает и растет за счет приватизации и (или) использования государственных средств и ресурсов. Статус трансформируется в капитал.

Такое наложение двух систем стратификации вызывает ряд противоположно направленных процессов. С одной стороны, происходит разрушение тотальной иерархической социальной системы с вертикальным распределением власти между соподчиненными таким образом социальными группами. Формируется множество конкурирующих динамичных элитных групп и групп, потенциально способных составить средние слои общества. Активизация горизонтальных связей внутри первого и второго уровней в определенной степени свидетельствует о демократизации общества. Появляются новые каналы социальной мобильности внутри и между слоями, что влечет за собой возникновение условий для профессионального, экономического, социального самоопределения индивидов.

¹ См.: Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания («круглый стол») // Социс. 1998. № 2; *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Средние слои в современной России: (опыт анализа проблемы) // Социс. 1998. № 7; *Заславская Т.И.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социс. 1995. № 3; *Радаев В.В., Шкартан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995.

Однако стихийный, неуправляемый характер этих процессов порождает не только экономическое и политическое противоборство элит и неустойчивость средних слоев, хотя и то, и другое сами по себе могут вызвать негативные следствия в виде конфликтов и дисбалансов различной степени и выраженности. Происходит углубление экономического, политического и социального неравенства (между регионами, по отраслям экономики и т.д.) вплоть до резкой, превышающей допустимый уровень поляризации населения. Процесс маргинализации (как в прямом смысле — формирования слоя населения, скатившегося на социальное «дно», так и в более общем смысле — переходного, неустойчивого положения) характерен для всех групп населения.

Все это свидетельствует о качественном изменении как общественной системы в целом, так и составляющих ее групп как социальных идентичностей. «Система стратификации теряет былую жесткость и однозначность: размываются границы между группами и слоями, возникает множество промежуточных, маргинальных, трудно идентифицируемых групп»¹.

Однозначно оценить эти процессы достаточно сложно. Но можно задать вопрос: какова доминирующая тенденция, что собственно определяет качество современного российского общества? Ответ на него, видимо, зависит не столько от объективного положения дел, сколько от субъективного восприятия и установок исследователя. Опыт последних лет реформ показывает, что они оказались не слишком эффективными. По мнению ряда исследователей, нельзя считать, что новая социальная стратификация уже состоялась, поскольку нет четко очерченных групп, в общественной системе преобладают процессы распада и слияния групп в различных комбинациях. Элиты сформировались лишь в некоторых регионах, да и то представляют собой скорее «кланы» или «клики», опирающиеся на организованную преступность, нежели страты. «Энергия социаль-

¹ *Заславская Т.И.* Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения // Информ. бюлл. 1995. № 6.

ного распада» имеет отчасти организованный характер и используется в интересах кланово-корпоративных структур¹.

Распад связан с демодернизацией, с деградацией социальной инфраструктуры, с истощением инновационного потенциала, имевшегося в начале перестройки и реформ, с архаизацией социальной структуры и большинства населения, с разложением ценностной системы большинства граждан, нормативным вакуумом, апатией и тотальным недоверием массового индивида к властным структурам.

Надежды, возлагавшиеся на формирующийся средний класс, также пока весьма эфемерны. Речь может идти лишь о потенциальном развитии слоя (слоев, страт), составляющего в данное время от 15 до 20% населения и характеризующегося структурной неоформленностью, размытостью, фрагментарностью и дезинтегрированностью². Средние слои столь же отчуждены от собственности и власти, как и большинство населения. Специфика их существования измеряется скорее количественными, чем качественными показателями. Положение их в социально-слоевой структуре неустойчиво, это своего рода «группа риска», играющая «в рулетку» с колоссом политической конъюнктуры, где в качестве ставки предъявляются жизнь и свобода, а правила игры изменчивы и во многом криминальны. Формально относящиеся к среднему слою группы в данное время ни экономически, ни политически не способны ответить общественным ожиданиям, выполнить функцию стабилизации и интеграции общества.

Тоталитарная система в послесталинское время выродилась в некую «советскую цивилизацию» как систему способов обхода, использования или игнорирования институционально овеществленных идеологических норм и отношений. Инерция таких «обходов», ставших традиционными и привычными способами действия большинст-

¹¹ См.: *Дахин В.Н.* К дискуссии о становлении региональных элит // Куда идет Россия?; *Яницкий О.Н.* Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Там же. С.40, 150.

² См.: *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Указ. соч. С.46.

ва населения, разъедает социальную ткань реформируемого общества, наполняя неправовым, полукриминальным содержанием функционирование системы новых, внешне демократических институтов. Несмотря на видимые перемены — деидеологизацию общества, разрушение системы прежних идеологических институтов государственной власти и другие, реформы коренным образом не изменили цивилизационную основу общества — совокупность повседневных социальных практик¹. Они вызвали лишь их рекомбинации, чреватые возвратом к исходному состоянию либо провалами в архаику и варварство доиндустриального общества. Новые проблемные ситуации во взаимодействии власти и граждан решаются с помощью старых социальных практик — все менее эффективного и все более неуправляемого, но привычного вмешательства государства в экономику и иные сферы общества. Взаимодействие социальных групп, равноправие которых должно обеспечиваться государственно-правовой системой, регулируется диффузными формами реального или потенциального насилия со стороны самоорганизующихся криминальных структур, вторгающихся в сферу компетенции власти, если уже не совпадающих с ней. Таким образом, распад прежней социальной системы связан с чередой ее мутаций при сохранении основ.

Становление новых для России демократических институтов протекает пока как внешнее, формальное. Наполнение их реальным содержанием зависит от уровня гражданской — правовой, политической, экономической — культуры общества и отдельных граждан. Ныне же, как и 80 лет назад, «рост новых социальных связей... отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя...»². Россия попадает в «колесо судьбы», повторяя уже пройденный цикл от попытки прыжка в демократию (в «царство свободы») к «новым» (старым) формам авторитаризма.

¹ См.: *Волков В.В.* Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии.* С.330.

² *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С.561.

Суть заключается в том, что теперешняя личность, носитель «новых» отношений, столь же авторитарна, как и варвар-маргинал советской цивилизации. Вооруженная новыми экономическими, политическими, информационными и социальными технологиями, она способна «переварить» либо прагматически использовать даже внешне демократические институты и установления, редуцируя их и воспроизводя традиционную вертикаль авторитарной власти и саму себя как ее опору. Эти институты в силу характера демократии как «системы духовного релятивизма и индифферентизма» (П.И. Новгородцев) пока беззащитны перед этим типом личности.

В нынешнем социальном самочувствии большинства населения преобладают пессимизм, утрата экономических и политических перспектив, ностальгия по мифологизируемому или просто спокойному прошлому, апатия и неверие, включая индивидуальную неуверенность в себе и своих силах. В этих массовых настроениях проглядывает потребность в символической интеграции утраченного целого, ответить на которую уже находятся охотники — национал-патриоты, приверженцы идеологии «традиционного органического единства народа». Все это связано с проявлениями российского неотрадиционализма и неоконсерватизма. Стержневым для массового сознания, оценивающего происходящее таким образом, становится не столько объективное социально-экономическое положение (идентичность), сколько отношение к власти. Несмотря на преобладание негативных оценок отдельных институтов и власти в целом, отсутствие доверия к ней, сам факт того, что социально-экономическая идентичность людей в их сознании опосредована отношением к верховной власти, более чем примечательна. Это не что иное, как проявление кризиса идентификации личности с властью.

Этот кризис переживают базовые слои населения, массовый индивид — носитель традиционного и для советского, и для постсоветского общества типа личности. Неотрадиционализм — лишь некоторое перерождение его сущностных характеристик, основу которых составляет патернализм. Доминирование этого типа личности в постсоветском пространстве — основа для воспроизводства

и прежней социальной системы, и вертикальной структуры власти. К традиционному типу личности в равной мере относятся и представители элитных групп.

Неудачи в реформировании общества во многом обусловлены утопическим сознанием образованной российской элиты, недооценившей степень традиционализма массового социального типа. Показав населению притягательность новых жизненных стандартов, связанных с реализацией либеральных ценностей, элита не учла необходимости длительного выстраивания нормативно определенных, организационно обеспеченных правил их достижения. Последнее зависит от многоэтапного процесса изживания традиционности и патернализма самим массовым типом, выработки им собственных норм, дисциплинирующих индивидуальное (экономическое, политическое, правовое) субъектное поведение.

Кризис идентификации личности и власти есть следствие перехода общества от одной преобладающей формы идентификации — тотальной идентификации личности с властью — к другой — личностной самоидентификации, при которой отношения личности и власти должны строиться на «договорно-правовой» основе. При этом самоидентифицировавшаяся личность устанавливает с властью (государством) отношения отстраненной, регламентированной правом, «рамочной» (во времени и пространстве) идентичности, время от времени переопределяемой личностью. Личность получает возможность «дозированной» идентификации с властью и связанного с ней признания ее легитимности. Это еще и возможность разрыва отношений идентичности, отстранения личности от власти, подразумевающего соответствующие демократические процедуры — отзыв, делегитимацию власти в случае потери его доверия личности.

Отношения личности и власти должны уподобляться отношениям, возникающим в результате договора, признающего самостоятельность сторон, необходимость взаимного учета интересов и взаимодействия в их реализации. Важной частью такого договора должно быть разграничение полномочий, функций, прав, свобод и ответственности сторон. Основы легитимности власти, формали-

зующиеся в политических и правовых институтах и нормах, коренятся в социокультурных и социально-психологических аспектах отношения личности и власти. Условием преобладания в обществе форм с ограниченной временными и пространственными рамками идентификацией личности и власти является идентичная себе личность, личность как субъект прав и ответственности, т.е. гражданин.

В настоящее время в России связь (полная зависимость) личности и власти не разорвана. Массовый индивид не стал самостоятельным субъектом жизни и деятельности, не стал гражданином. Номинальная принадлежность индивида государству не наполнена реальным содержанием. В России нет реального гражданства.

Фиксация радикального кризиса идентификации, однако, не подает еще надежду на скорое его разрешение. Кризис может вызвать как консервацию достигнутого уровня отношений личности и власти, так и его деградацию. Данный феномен необходимо рассматривать как процесс, который характеризуется определенным способом разрешения противоречия, особенным для каждой из его стадий. Поэтому возможны различные варианты течения кризиса: успешное либо негативное его разрешение, а также полное отсутствие такого разрешения. Вероятны и более размытые варианты этого процесса, связанные с частичным преодолением личностью возникающих перед ней проблем или видимостью преодоления, если процесс обретает хронический, затяжной характер. В случае успешного разрешения кризиса личность переходит от стадии негативной тотальной идентификации с властью через стадию идентификации личности с группой (группами) к стадии самоидентификации, т.е. к обособлению от власти, к опознанию и нахождению собственной идентичности. Отношения с властью, как и с другими социальными субъектами, в этом случае приобретают характер равноправного взаимодействия, что является новой для России формой отношений. Стадия идентификации личности с группой представляет собой цикл идентификаций личности с референтными для нее группами, образующих определенную иерархию в процессе онтогенеза. В ходе этого цикла идентификаций происходит собственное становление личности. При неудачном течении кризи-

са может произойти остановка (фиксация) на любой из стадий, когда развитие личности тормозится и отрицательные моменты предшествующих стадий переносятся на последующие¹. В обществе в целом в данном случае возможен откат к старым или даже архаическим формам отношений личности и власти.

Позитивная тотальная идентификация личности и власти есть следствие социального отчуждения — институционального овеществления общественных отношений. Гипертрофированная идентификация личности с властью подразумевает растворение личности во власти и обществе. Противоречие, в скрытом виде содержащееся в этих процессах, рано или поздно должно было проявиться.

Данная форма идентификации личности и власти как преобладающий способ их отношения в советское время есть следствие исторической трансформации форм идентификации личности и власти. Революция 1917 г. была в определенной степени результатом использования большевиками феномена «прельщения» населения властью и свободой. Обуреваемая иллюзией возможности удовлетворения бессознательной жажды власти, масса попала в ловушку — в жернова государства «диктатуры пролетариата». Либо в силу репрессий, порождающих в массах переходящий из поколения в поколение страх перед насилием, либо через каналы политической социализации — пропаганду идей «власти трудящихся», индивид при полном реальном безвластии ощущал личную причастность к власти. Это чувство причастности к власти было обусловлено страхом-восторгом перед силой власти и страхом-бессилием признать ничтожество собственного положения. Первое придавало какой-то смысл бытию: власть выведет к светлому будущему, «дети будут жить лучше нас». Второе бессознательно загонялось на периферию сознания, забывалось, а отчасти ощущалось как благо освобождения от ответственности.

¹ В основе предлагаемого подхода — идеи З. Фрейда и Э. Эриксона. См.: *Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции*. М., 1991; *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис*. М., 1996.

Чувство причастности к власти, успешно эксплуатируемое самой властью и в мирное время в экономических целях, и в годы репрессий и войны, давало кое-какие преимущества и индивидам — верхние этажи власти время от времени, распределяя национальное богатство, раздавали ничтожно малые подачки, преподносимые в качестве привилегий и льгот. Эта систематическая раздача минимума для выживания успокаивала, стабилизировала общество, подрывая стремление личности к самостоятельным действиям.

Тотальная идентификация личности с властью есть некое временное, преходящее, во многом искусственное, но, тем не менее, реальное историческое состояние массового сознания, содержащее в себе самом противоречие. Механизм отождествления личности и власти позволяет личности пребывать вне осознания личной ответственности за происходящее не только в обществе, но даже в собственной семье и самой себе. Субъектность, а следовательно, и ответственность (и все связанное с этим — инициатива, право (свобода) деятельности и т.д.) и социально, и психологически смещаются к власти. Личность, позволяя собой манипулировать (сознательно или нет — это уже другой вопрос), превращается в нечто бездеятельное. (Конечно, ситуация здесь описывается в предельном, утрированном варианте. В реальности степень субъектности людей различна, хотя в массе все же предельно мала.) Личность становится иждивенцем, паразитом, «вечным подростком», к тому же стремящимся время от времени использовать слабости власти — своего рода «родительские промашки». Возникает феномен игры личности с властью — шантаж, вымогательства, угрозы.

Социально-психологические механизмы идентификации личности и власти — это один из аспектов социального отчуждения. Тотальная идентификация личности с властью, в предельном варианте выразившаяся в феномене культа вождя, представляет собой социально-психологическую иерархию идентификаций по степени причастности к власти. Механизм тотальной идентификации — это социально-психологическая основа иерархического построения общества в зависимости от степени идентифицированности личности (группы) с властью. Результатом действия этого ме-

ханизма является социальная структура советского общества, типологически сходная с сословным построением обществ традиционного типа. Личность здесь идентифицируется с верховной властью посредством идентификации с социальной группой, к которой она принадлежит. Социальная группа обладает стабильным местом в этой иерархии рангов как рангов степени власти. Идентичность с властью есть нечто кажущееся, мифическое, навязанное личности идеологическими институтами власти, в реальности являющееся пустотой, полным безвластием и отчуждением.

Чему идентична в такой ситуации личность? Идентичность для меня — это определенность бытия личности в системе внешних отношений и взаимодействий, с одной стороны (объективное измерение идентичности), с другой — определенность внутреннего пространства, определенность внутренних оснований — смысловых, содержательных, мотивационных характеристик жизни и деятельности личности (субъективное измерение, или самоидентификация). В ситуации тотальной идентификации личности с властью единство внешней и внутренней идентичности личности представляется в виде гипертрофированной внешней тождественности бытия личности при стертости, почти отсутствии идентичности внутренней. Личность равна не себе, а группе, а посредством отождествления с группой равна обществу — государству-власти.

Парадокс заключается в том, что такая форма идентификации исходит из внутренней нетождественности личности самой себе, обосновывается именно изнутри. Готовность личности к безоговорочному подчинению социальной иерархии рангов — это ее внутреннее качество, качество внутренней бессубъектности. Личность в сословно-групповом распределении власти — это то же самое, что ее отсутствие. На первый взгляд, этой личностью движут индивидуальные потребности, интересы, мотивы, но при более глубоком рассмотрении оказывается, что ее жизнь и деятельность детерминированы групповыми стандартами, соответствующими идеологии ранжированной власти. Идентичность, как и индивидуальность (или единство тождественности и изменчивости), — это ха-

рактические группы, разделяемые личностью и воспринимаемые ею как ее собственные. Таким образом, идентичность личности выступает в качестве и внешней, и внутренней ее социальности, только внутренняя социальность определяется внешней, следовательно, отсутствует или присутствует в незначительной степени. Речь идет о массовом индивиде, о доминирующем типе личности и доминирующих механизмах идентификации, что не означает отсутствия иных их форм, до поры до времени не оказывающих заметного влияния на общество и личность.

При тотальной идентификации личности с властью (государством) субъектность и ответственность переносятся на вершину пирамиды власти. Лица, призванные персонифицировать властные структуры и отношения, оказываются столь же бессубъектными и безответственными, что и массовый индивид. Они представляют собой тот же социальный тип авторитарно-конформной личности, точнее, квазиличности. Власть оказывается анонимной снизу доверху. Лишь верховный вождь наделяется субъектностью и ответственностью, да и то не всякий. Лишь в Сталине массовое сознание признавало личностное начало. Сменившие его вожди представляли собой уже результаты процесса выхолащивания этого механизма идентификации, своего рода деперсонализирующуюся, становящуюся все более анонимной, безличной властью.

Институты овеществленной идеологии, структуры деперсонализированной власти позволяли эксплуатировать наличный уровень личностного развития и искусственно сдерживать всякие предпосылки его возможного прогресса, что подрывало тем самым основы их собственного функционирования. При тотальной бессубъектности и безответственности невозможно длительное воспроизводство общественной системы. Она начинает давать сбои. То, что поначалу держалось на насилии к «чужим» и «чужим среди своих», впоследствии стало систематически порождать и тиражировать массовый тип квазиличности, советского маргинала-варвара, неспособного к продуктивной жизни и деятельности. Отсюда теневая экономика и деградация всех систем общества. Тоталитарная система, вопреки собственной идеологии, отчасти держа-

лась на людях, в которых так или иначе пробивалось (либо вследствие начавшегося до революции разложения традиционного общества, либо из-за принципиальной его неискоренимости даже советским репрессивным аппаратом) личностное начало. Поколения, прошедшие каналы государственной социализации, выстроенные самой тоталитарной системой, воспроизводили ее все в меньшей степени, с убывающим эффектом. Их активность, направленная на поддержание повседневных нужд, сосредоточивалась в межинституциональном и внеправовом пространствах, постепенно охватывая и криминализируя экономические, правовые и политические институты. Таким образом, личностное начало развивалось в этих параллельных пространствах в искаженных, нелегальных формах, самыми невинными из которых были неформальные межличностные отношения. Последние, возможно, и сохранили для будущего потенциал личностного развития.

Кризис идентификации личности с властью — это одно из выражений сущностного кризиса традиционного типа личности. Он состоит в том, что личность одновременно и тождественна, и не тождественна самой себе. Эта дилемма — соотношение полюсов тождественности и изменчивости личности — коренное противоречие, лежащее в основе и исторического, и онтогенетического развития личности, обладающее конкретно-исторической спецификой и формой проявления. У тоталитарного индивида-личности полюс изменчивости личности подавлен полюсом тождественности. Однако тождественность личности выступает не в качестве тождественности себе, но в качестве тождественности группе, а через нее — власти.

Таким образом, индивид в тоталитарном обществе не есть самотождественный субъект-личность, но есть субъект лишь в той мере, в какой он тождествен группе. Сословно-групповая тождественность придает обществу стабильный иерархизированный порядок и является условием препровождения (адресации) тождественности наверх. Изменчивость же в таких условиях может проявляться лишь в компенсационных механизмах, действующих в ло-

кальных межличностных отношениях и межинституциональных пространствах. Однако концентрация и консервация сословно-групповой тождественности вследствие разрыва ее единства с изменчивостью приводит к накоплению энергии изменчивости вне официальных структур и отношений, к формированию теневых криминальных структур и механизмов, размывающих и постепенно подменяющих собой легальные иерархические структуры общества и власти.

Эти теневые структуры столь же иерархичны и традиционны, сколь и легальные, но как бы с противоположной направленностью. Впрочем, как показывает опыт, происходит и сращивание этих структур. В таком обществе с наложением двух социальных и властных структур индивид живет по двойным и тройным стандартам. Лишь личная зависимость на всех уровнях общества и власти остается непреложным законом для индивида. Так положительная идентификация с властью сменяется отрицательной, сохраняя основополагающий атрибут зависимости.

Личная зависимость от власти всегда подразумевает две формы: внешнюю и внутреннюю. Внешняя проявляется в полной подконтрольности и заданности жизненного пути индивида уровнем его включенности во властную пирамиду, предоставляющим (или лишаящим) ему доступ к каналам восхождения по ступеням власти и соответствующим материальным возможностям (ресурсам власти). Эта же пирамида предопределяет возможность (или ее отсутствие) включения механизмов идентификации как смены (или фиксации, остановки) групп идентификации для индивида. С этим связана внутренняя зависимость индивида от власти — комплекс формируемых каналами идеологической социализации социально-психологических, мотивационных, содержательно-смысловых характеристик и качеств личности. Личность, определяемая изнутри групповой (сословной) идентичностью, — это личность, почти лишенная возможности развивать собственное сознание, личностные мотивы, цели и ценности, личностную духовность и нравственность. Это личность, у которой фактически отсутствует полюс

самотождественности, идентичности с собой, равно как и полюс самоизменения, поскольку возможность изменчивости для индивида при таких условиях всегда определяется способностью к изменчивости группы, к которой индивид принадлежит и с которой он идентифицируется.

Идентичность включает в себя два момента: тождественность с миром (окружающими людьми, группой, властью) и тождественность с собой, с собственным внутренним пространством. Соотношение этих моментов является подвижным и предстает в различных формах и степенях: 1) гармонии (идеал-норма) или хотя бы относительно устойчивого динамичного их единства; 2) поглощения одного другим; 3) разрыва и взаимоотрицания. При тоталитаризме соотношение этих моментов — это поглощение самотождественности индивида тождественностью с обществом (государством, властью), опосредуемое тождеством индивида и группы. Авторитарная личность как доминирующий тип — двойственное существо; она и растворена в целом, в тотальности («Я — этой силы частица...» — В. Маяковский), совпадает с ним (с группой как единицей тотальности), но в силу этого же причастна власти, самовластью (произволу верховной власти), если ниже ее группы идентификации есть еще другие ступени пирамиды власти. Ноль, оказавшийся на верхних этажах безличной иерархии, обладающий определенной частью власти, приобретает часть ресурсов власти, а также определенную степень персонифицированности, убывающую сверху вниз.

Идентификация личности с властью предоставляет ей возможность паразитического, иждивенческого внешнего существования, избавляющего от необходимости проявлять инициативу и ответственность. Все это переносится наверх. Власть (верховная) субъектна и ответственна (номинально), личность же бессубъектна, безответственна и конформна. Об ответственности власти речь может идти лишь с той оговоркой, что она всегда имеет односторонне направленный вектор — вверх и определяется не профессиональными и функциональными требованиями, а способностью к ориентации в самой пирамиде власти. Что составляет «верх» для власти —

остаётся тайной: Бога для нее нет, совести тоже, возможно, абсолютно здесь становится Власть сама по себе как таковая.

Глубинное противоречие между тождественностью с властью и тождественностью с собой массовым индивидом не осознаётся, но подспудно требует разрешения — и изнутри, и вовне. Общественный застой и консервация внутреннего развития личности — взаимосвязанные процессы. Истоки теневой системы общества восходят к теневым подструктурам личности, заполненным бессознательными стереотипами групповой идентичности.

Негативная идентификация с властью — наиболее явная форма обострения кризиса идентификации. Эта форма может выступать, с одной стороны, как преходящий момент процесса разрешения кризиса, снимающийся в ходе самоидентификации личности. Но, с другой стороны, она может носить и более длительный характер, чреватый периодическим возвратом к прежней позитивной тотальной идентификации с властью. Реализация такого варианта подтверждается последними президентскими выборами, когда на новое безвестное лицо, претендующее на верховную власть, вновь возлагаются, казалось бы, отжившие иллюзии и упования. Причем возврат к позитивной тотальной (или хотя бы достаточно массовой) идентификации осуществляется именно по отношению к верховной власти. Региональная власть в массе населения вызывает гораздо меньший энтузиазм, не говоря уж об уровне местного самоуправления. Механизм идентификации с властью, по видимому, действует по принципу «все или ничего» (полное доверие или никакого), и вектор его направлен лишь вверх. Массовая личность отождествляет себя преимущественно с верховной властью, другим уровням власти и управления ее внимание достается в резко убывающей степени. Об этом свидетельствуют выборы в органы местного самоуправления, которые в целом ряде населенных пунктов и регионов неоднократно признаются несостоявшимися из-за слабой явки избирателей.

Очевидно, присущий России архетип власти (самодержавной, тотальной) все еще воспроизводится массовым сознанием и психологией. Решение абсолютно всех проблем вплоть до мелких повседнев-

ных (состояние подъездов, уборка мусора, починка крыши и т.п.) значительной частью населения связывается опять лишь с верховной властью. Отсутствует прагматическое осознание значимости каждого из уровней власти для решения соответствующих их компетенции проблем. Одновременно это свидетельствует и о состоянии самой верховной власти, унаследовавшей от российского и советского прошлого некий нерасчлененный объем полномочий, концентрирующий в себе абсолютно все функции по управлению государством и не оставляющий в силу этого никакой даже относительной свободы действий ни нижележащим уровням власти, ни тем более рядовым людям. К тому же в развитии российской государственности в настоящее время проявляются новые опасные тенденции — стремление к реализации в структурах власти идей нового корпоративизма. При всей неоднозначности данного феномена необходимо учитывать реальные российские условия — историческую укорененность клановости, «местничества» и иных форм организации и функционирования власти, генетически восходящих к прошлому.

Таким образом, приходится констатировать, что кризис идентификации у большей части населения не получает разрешения, следствием чего является его хронический характер, проявляющийся в циклическом колебании периодов позитивной и негативной идентификации, а в каждый данный момент времени — в разбросе по идентификации у разных групп населения. Возможно, некоторые подвижки происходят — убывает часть населения, так или иначе отождествлявшая себя с верховной властью. Но как знать, прибывает ли другая его часть, для которой произошло разрешение кризиса путем перехода к механизмам самоидентификации? И не равна ли убывающая часть естественной убыли населения, ведь тогда придется признать, что перехода к самоидентичной личности не происходит.

Здесь логично зафиксировать отсутствие у значительной части населения гражданской идентичности как правового аспекта процесса самоидентификации. То, что массовый индивид не осознает себя как гражданин, способный влиять на устройство и функционирование власти в государстве и ответственный за самостоя-

тельную реализацию своих прав и свобод, связано со слабой легитимностью власти, с одной стороны, и с другой — с отсутствием ответственности власти перед номинальными гражданами, ответственность которых внутренне также не вполне обоснована.

Затяжной характер описываемого кризиса в силу неопределенности и равной вероятности различных вариантов его течения и разрешения таит в себе некий непредсказуемый потенциал. Вследствие разрушения прежней социальной структуры общества и устройства государства индивид теряет возможность идентификации как с обществом в целом (тотальностью вообще), так и с группой, к которой он раньше принадлежал. Индивид вынужден существовать в ситуации неопределенности его объективного социального положения, его реального экономического, политического и правового статуса. Нет определенности ни в экономических, ни в политических — властных — отношениях. Сознанию массового индивида трудно уловить какие-то явные тенденции и ориентиры в бурной динамике политической конъюнктуры, в борьбе экономических и политических элит, всеобщей коррупции и криминализации власти и общества. Отсюда растерянность индивида, ощущение утраты возможности идентификации как в объективном, так и в субъективном смысле.

Нестабильно сегментированное общество и государство, с одной стороны, и неустойчивый индивид с беспокойным внутренним пространством, не имеющий возможности опираться на привычные механизмы адаптации, оказавшийся выброшенным из общества как целостности и вовлеченный в стихию разнонаправленных процессов — с другой. Такова ситуация, в которую погружена личность.

Поиски выхода из данной ситуации ставят индивида перед двоякого рода задачами: во-первых, поиском группы идентификации и, во-вторых, поиском внутренних ресурсов (субъективного пласта самоопределения). В данных обстоятельствах наиболее востребованным и успешным становится именно сильный и пластичный тип личности, готовый к решению данной задачи благодаря собственной способности быстро адаптироваться к меняющейся

социальной среде, прагматически использовать любые ее условия и средства независимо от их характера для достижения оптимума выживания и успеха. Прочие либо погибают вовсе, уклоняясь от превышающих их силы задач, либо влачат жалкое существование на грани жизни и смерти. Здесь есть опасность своего рода социального заказа («поощрения») на криминально ориентированных людей, выживание и успех которых осуществляются за счет эксплуатации низших пластов и уровней их психики, т.е. за счет деградации внутренней социальности личности, редукции высших уровней к архаическим нижележащим подструктурам. Нынешняя ситуация, таким образом, по преимуществу востребует противоположный прежнему типу (полностью идентичному обществу и верховной власти, в котором доминировал полюс тождественности) тип личности с доминантой полюса изменчивости, динамики, процессуальности. Но это такая же крайность, чреватая иными, но ничуть не менее опасными последствиями.

Востребованность полюса изменчивости в личности обусловливается тем, что сама социальная структура неустойчива, мало стабильных групп. Индивиду приходится осуществлять социальную идентификацию далеко не единожды, а методом «перебора» (свободного или вынужденного), причем череда идентификаций, как правило, не совпадает с естественной сменой групп идентификации в норме онтогенетического развития личности.

В структурах власти и политическом поле процессы смены групп идентификации происходят, возможно, не чаще, чем в иных сферах жизни, но наиболее явно, поскольку они публичны. Доминирование полюса изменчивости во внутреннем пространстве личности связано со способностью последней к манипуляции собой, своим внутренним миром, миром субъективных потребностей, желаний, мотивов, целей, способностей и т.д. Личность как бы распадается на ряд состояний, тождественных различным ситуациям и обусловленных конкретными прагматическими целями, исчезает ее целостность. Абсолютная гибкость личности оборачивается «почти-отсутствием» ее самой как самождественного существа. Самождественность здесь проступает лишь в краткие моменты

между «превращениями» («притворствами» — Э. Канетти) личности. Это та самая личность, которая способна быть всем, потому что не является никем в особенности. Ее варианты — «государь» Н. Макиавелли, «сверхчеловек» Ницше, О. Бендер и т.д. Но именно «почти-отсутствие» полюса тождественности приводит к разгулу субъективности, к неограниченному изнутри произволу одних над другими. Между тем лишь с самождественностью связано наличие чувства ответственности перед другими и обществом, наличие внутренней социальности, предполагающей погружение внутрь абсолютных ценностей и норм, составляющих духовные истоки ответственности и гарантии, не позволяющие человеку превратиться в зверя.

Внутренние состояния притворства внешне воплощаются в феномене маски. Индивид при этом распоряжается (властвует) и собой, и теми, кому адресована маска. Идентификация и с собой (самождественность), и с маской (идентификация с неким нормативным, общественно приемлемым или принятым в данной группе образом), а посредством нее — с другими есть нечто временное и двойственное: «дружественно-безвредное — снаружи, враждебно-смертельное — внутри»¹. Предел притворства властителя — его внутреннее ядро, подлинная сущность, т.е. враждебность, скрытая под маской (масками).

Однако здесь возникает момент сочетания степеней притворной, внешней, и внутренней изменчивости как меры самождественности. Изменчивость с внешней стороны есть процесс смены отождествлений — масок, за которыми скрывается тайна власти: за застывшей определенностью маски таится неопределенность того, кто ее надевает и являет вовне, а следовательно, угроза. Причем помимо других масок властитель (человек из элиты) может использовать и маску идентичности, тождественности себе, реально являющуюся ложным уподоблением нормативному образу. Такая маска, имитирующая самождественность (непревращае-

¹ Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.489.

мость) и одновременно скрывающая истинную суть данного лица, с самого начала подразумеваемая видимость, декларативность озвучиваемых понятий и смыслов, в реальности осознанно, специально и технологически нацелена на обман доверия воспринимающих.

Жизнь человека элиты переходных обществ — постоянное пребывание в заботе о маске (имидже), о воздействии ее на разные группы населения, и в первую очередь на силовые структуры государства: «Он — летчик», «Он — подводник» и т.п. Что это как не отождествление его с ними и одновременно обращенная к остальным демонстрация силы, стоящей за маской (властью). Маска (маски) лица, представляющего высший уровень власти, имеет свойство тиражироваться на другие ее этажи, она обладает суггестивной силой, вызывает стремление подражать. Забота о маске — это еще и работа со СМИ, ее демонстрирующими, а также со СМИ, пытающимися разобраться, что скрывается под ней, с «независимыми» и оппозицией, стремящимися сорвать ее. Эта забота о маске суть забота о власти, ее достижении или сохранении.

Изменчивость с внутренней стороны связана с раздвоенностью, а возможно, и множественностью индивида — в зависимости от количества масок, используемых им: он и маска, и сам по себе, он и превращается в нее, и нет. Маска ограничивает его внешнюю и внутреннюю свободу. Маска как бы забирает часть его внутренней самотождественности, но не до конца, а до некоего предела. Оставшаяся же часть существует в страхе разоблачения, срыва маски.

Поскольку изменчивостью, способностью к превращениям, воплощающимся в маске, обладают многие представители элиты, постольку все они существуют в постоянном стремлении сохранить свою маску и сорвать маску с других («борьба компроматов»). Разоблачение означает лишение тайны маски, ее силы, ее власти. Все эти люди жаждут держать под контролем «социальные превращения» других, не допускать спонтанных и неконтролируемых превращений, т.е. самостоятельного обретения маски и распоряжения ею. Единственной объединяющей представителей элиты чертой является стремление ограничить круг лиц, которым доступны со-

циальные превращения, круг облеченных властью. Эти ограничения касаются низших и средних слоев общества. Цель властителей — удержать и по возможности увеличить объем и концентрацию власти, иначе им не над кем будет властвовать, исчезнут подвластные, подданные как объекты власти.

Но и средство сохранения собственной власти, в качестве которого выступает разоблачение других, обладает определенной допустимой мерой. Если властители во взаимной борьбе превышают эту меру разоблачений, то они проигрывают все, поскольку резко снижается воздействие любых масок (власти) на население. У последнего развивается социальная апатия, происходит «редукция мира», возникает скепсис по отношению к абсолютным ценностям, а также глобальное недоверие и подозрительность к власти как таковой. Так связаны между собой механизмы идентификации у представителей элиты и у населения. Так абсолютизация изменчивости наверху вызывает негативную идентификацию с властью внизу.

Однако исход и последствия этой ситуации могут быть различными. В лучшем случае кризис идентификации с властью у населения разрешается переходом к механизму самоидентификации. В худшем — возможны либо социальные потрясения, либо постепенные регрессивные изменения, обусловленные жадностью населения занять место разоблаченных властителей, поскольку негативная идентификация массы с властью вызывает по отношению к последней чувство агрессивно-зависимой зависти. «Раз ты, власть, ничем не лучше меня, то почему бы и мне не быть тобой». Вхождение криминала во властные структуры — одно из существенных последствий негативной идентификации. Кстати, и властные лица, используя криминальные структуры и методы в борьбе друг с другом, тем самым открывают им двери, создают возможность их вхождения во власть. Одним из весьма вероятных вариантов течения данных процессов становится деградация, перерождение, криминализация системы власти. Попытка власти навести порядок в государстве и обществе посредством полицейских мер, кампаний по «борьбе с коррупцией», силовых, неправовых методов, дискри-

минирующих конституционные права и свободы человека и гражданина, лишь отдалит действительное разрешение назревших проблем и создаст новые, отбросит страну в прошлое.

Абсолютно изменчивый тип личности востребован по преимуществу в высших и отчасти в средних слоях. Его появление — своего рода реакция на длительное сдерживание и подавление энергии изменчивости и самостоятельности (субъектности) населения в советское время, следовательно, он закономерен. Опасность распространения данного типа в крайних его проявлениях (вплоть до криминальных) связана с рядом как объективных (слабость правовой системы, низкий уровень правосознания населения и элит), так и субъективных факторов.

Соответственно поляризации населения эти два типа личности расходятся по противоположным полюсам и противостоят друг другу. Большой части населения свойствен тип, в котором доминирует полюс тождественности (позитивной или негативной — в зависимости от социальной и политической ситуации в целом), для части средних слоев и элит характерен тип с доминирующим полюсом изменчивости. Рыхлость, неустойчивость и отсутствие политического «лица» средних слоев предполагают и неопределенность («спутанную идентичность» — Э. Эриксон), переходность, маргинальность типа личности, присущего последним.

Можно вообразить, что в некий промежуток времени произойдет «обострение» процесса негативной идентификации населения с властью (разочарование в очередном лице, персонифицирующем верховную власть), которое совпадет с зигзагом политического курса, обусловленного изменчивостью личности этого лица и его ближайшего окружения (тех, кто принимает решения). Это грозит взрывоопасной ситуацией, если только такой зигзаг не будет предварительно обставлен мерами полицейского и пропагандистски-манипулятивного характера.

Массовый индивид при тоталитаризме был полностью зависим от власти, но эта зависимость в психологическом отношении носила характер позитивной идентификации. В настоящее время происходит циклическая смена периодов позитивной и негативной

идентификации населения с властью, смена состояний пессимизма и оптимизма. Доминанта у населения пессимистического ощущения происходящего свидетельствует о его социальном инфантилизме, о незрелости индивидов, о незрелости момента самостоятельности, субъектности в их внутреннем пространстве. Проявляются эти свойства в депрессивных формах поведения: в растерянности перед обстоятельствами, неумении найти работу, жадности, зависти, желании «получать, не отдавая», т.е. в изживенческих настроениях и поступках и т.д. Негативность идентификации — лишь вектор ее направленности, суть же ее — в той же глубокой зависимости от власти. Это лишь одна из фаз (вариантов) трансформации типа авторитарной личности.

Адекватное реальным условиям отношение к власти, дозированность, баланс доверия-недоверия, дистанцированность от власти могут появиться лишь у зрелой личности, осознающей себя самостоятельным субъектом жизни и деятельности, включая взаимодействие с различными общественными группами и органами власти. Это предполагает наличие динамической гармонии в соотношении полюсов изменчивости и тождественности во внутреннем пространстве личности, сочетание механизмов идентификации с властью и самоидентификации. Реалистическое чувство умеренного доверия к власти должно основываться на внутренней уверенности такой личности в себе, своих способностях и возможностях.

Представители элит, тип личности которых преимущественно связан с абсолютизированной изменчивостью, — это лишь некая часть (отрицательный полюс) общества. Эта малая часть существует за счет другой части, и без нее обходиться не может. Одна восполняет другую. Но способы их взаимовосполнения исторически изменчивы. Причем индивиды с преобладанием полюса изменчивости могут быть представителями как массы, так и элиты, являя собой один и тот же тип авторитарной личности, но в разных его ипостасях.

Изживание этого типа в обществе в целом возможно именно посредством механизма самоидентификации как можно большего числа индивидов и в массе, и в элитах, а также посредством связанных с этим процессов социального, экономического, политиче-

ского и духовного самоопределения. Общество, расколотое на два полюса, дабы избежать полного разрушения, должно обрести новое качество, когда единство будет достигаться не насилием и принуждением со стороны одной части по отношению к другой (в каких бы формах оно ни осуществлялось — явных, репрессивных или скрытых), но на основе единых норм взаимодействия между равными друг другу индивидами, т.е. на основании норм права. Социальная поляризация должна уступить место процессам стягивания к центру, в качестве которого могли бы предстать средние слои населения. Это уже совсем другая целостность и другое общество. Это целостность, вырастающая в гетерогенном обществе на основе правовых связей между взаимодействующими субъектами — отдельными людьми или их объединениями.

В обществах, где в качестве устойчивой ценности выступает автономный индивид, табуированы притворства и превращения как средства проникновения в других и одновременно допуска чуждого к себе. Человек должен быть сдержанным, т.е. иметь силу быть собой, быть тождественным себе, не выходить «за рамки» себя. Внешними ограничителями изменчивости человека, его способности к превращениям служат институты права, устанавливающие табу на абсолютизацию его прав и свобод и защищающие последние в той же мере, в какой и права и свободы других людей (Другого). Равенство в свободе по всеобщему закону как один из основополагающих принципов права должно быть реализовано и в отношениях личности и власти, и в отношениях властей между собой посредством ликвидации любых привилегий власти как привилегий на превращения. Хотя стремление власти к установлению привилегий на превращения и запретов на социальные превращения нижележащих слоев населения, желание иметь дело лишь с несамостоятельными, редуцированными к функции индивидами, составляющими абсолютно неизменный, послушный, полностью управляемый объект (в пределе — с рабами), по-видимому, извечны.

В российском обществе, как и в других, право должно охранять автономию любого человека, устанавливать пределы воздей-

ствия одного человека на другого, пределы влияния и власти, т.е. пределы изменчивости. Для этого общество должно ограничить и себя, и власть в превращениях, установить границы изменчивости власти при собственном самоограничении правом. Для этого и должна создаваться российская государственность на правовых основаниях, включая государственное устройство и установление четких, зафиксированных в законах полномочий всех ветвей и органов власти, пределом (и началом ответственности власти) которых должны выступать столь же законно ограниченные права и свободы личности.

Однако для человека недостаточно исключительно внешних, правовых оснований для становления гармонического соотношения идентичности и изменчивости. Сами внешние основания генетически и системно связаны с внутренними. Идентичная себе личность предполагает взаимоограничение полюсов (начал) идентичности и изменчивости, т.е. относительную изменчивость и относительную самоидентичность.

Это требует обоснования внутреннего ядра личности Абсолютом, некими базисными ценностями, составляющими ядро человеческой культуры. Самоидентичность личности внутри должна быть обоснована неизменным (при изменяющихся исторических обстоятельствах), абсолютным, а следовательно, самоидентичным базисом культуры, в качестве которого выступают непреходящие духовные (священные) сущности — идеалы, нравственный закон, норма, традиция. Изменяющиеся же пласты человеческой личности могут определяться ценностями периферийных областей человеческой культуры — миром профанных идеалов, опосредуемых идеологиями, социально-политическими учениями и т.п. Но последние не должны замещать собой первые, ибо следствием именно такого замещения и является хронический кризис идентификации личности и власти.

Распад тоталитарного общества связан с распадом тоталитарной духовности, кризисом общественного сознания и культуры, который создает особую среду для трансформации властного фетишизма. Одним из субъективных проявлений последнего и вы-

ступает кризис идентификации личности и власти. Духовное основание данного процесса — традиционный дуализм российской культуры: антигосударственный настрой общественности и антиобщественность государства. Отсюда берут начало взаимный правовой нигилизм власти и личности и нелояльное правосознание граждан — признание силы власти при отсутствии доверия к ней. Трансформация властного фетишизма в различных формах существенно затягивает течение кризиса идентификации, способствует превращению его в хронический. Полицейские и пропагандистско-манипулятивные меры поддерживают и усиливают властный фетишизм. Однако попытка вернуть общество к периоду позитивной идентификации с властью может привести лишь к временному успеху, причем при условии усиления средств принуждения, включая и информационное, и лишь путем отказа государства от реализации конституционных прав и свобод личности. Тем самым действительные проблемы общества и государства не решаются, но лишь загоняются внутрь, приобретают латентный характер. Кризис идентификации личности и власти не находит своего разрешения, что рано или поздно приведет к разрешению его в стихийной форме.

Какими же могут быть пути выхода из сложившейся ситуации? Возможны ли преодоление кризиса идентификации личности с властью и переход к механизмам личностной самоидентификации? Как уравновесить в личности полюсы изменчивости и тождественности, уничтожить их разрыв, избежать поглощения одного другим? С внешней стороны, со стороны общества и государства возможно лишь создание предпосылок и условий для самостоятельного разрешения личностью проблемы самоидентификации. Таковыми могут быть только правовые основы построения и функционирования государства. Общество и власть должны принять как данность эту маргинальную однополюсную (в обоих вариантах — с доминирующим полюсом изменчивости либо тождественности) личность, признать закономерным ее появление и попытаться направить ее в легальное, правовое русло жизни и деятельности. Это предполагает осмысление неопределенности, пере-

ходности данного типа личности в качестве исходного условия разрешения проблемы. Нужно искать средства стимуляции таких проявлений этой личности, которые укладываются в правовое пространство общества и государства. К их числу относятся открытие государством каналов экономической, политической, духовной самостоятельности личности, с одной стороны, и ограничение деятельности криминальных структур правовыми институтами и нормами — с другой.

Необходимы преодоление властного фетишизма в культуре и общественной психологии, десакрализация верховной власти. Нуждаются в реальной демократизации институты государственной власти. Поиск способов разграничения полномочий между структурами и органами государственной власти пока идет весьма неоднозначно, вертикаль исполнительной власти все еще способна подмять под себя иные ветви власти. Между тем перспективы развития общества и государства в значительной степени связаны с правовыми способами разграничения полномочий между государством (властью) и гражданином, взаимограничением их суверенитетов, осуществляемым не только посредством законодательства, остающегося во многом декларацией, а главным образом через механизмы реализации норм в общественной и государственной практике. Между принципом разделения властей и идеей права каждого гражданина на осуществление власти (гражданское и политическое участие) существует глубокая сущностная связь, одно без другого невозможно. Однако пока баланс в отношениях ни между властями, ни между властью и гражданином не достигнут; отсутствуют реальные механизмы взаимной ответственности властей и ответственности любых органов власти перед гражданином в случае неправомерного осуществления властных полномочий.

Однако поставленная проблема — это и внутренняя проблема самой личности, проблема самоидентификации в качестве самостоятельного субъекта действия, обладающего правоспособностью и признающего права и свободы иных субъектов. Личность должна изнутри осознать свое право искать возможность идентификации с любыми группами, с собой, с властью, право меняться

или быть неизменной, право превращаться, но в границах всеобщего закона, в пределах таких же прав и свобод других лиц как прав на отличие, инаковость, изменчивость и т.д. Способами решения этой внутренней проблемы являются, во-первых, уход от идентификации с маргинальными группами населения и отказ от неправовых форм поведения, во-вторых, поиск возможности идентификации с устойчивыми социальными группами, принятие нормативно значимых способов поведения и деятельности, а посредством этого — идентификация с собой как преемственным, тождественно-изменчивым субъектом права.

Внутренний поиск личностью приемлемых в правовом отношении способов реализации своих прав и свобод связан с формированием лояльного правосознания, правосознания гражданина, участвующего в общественных и властных процессах и несущего известную долю ответственности за это участие. Одновременно это и процесс самостоятельного уравнивания личностью собственного внутреннего пространства как пространства соотношения полюсов тождественности и изменчивости. Таким образом, надежды на выход из ситуации кризиса связаны со сменой базового — авторитарного типа личности, присущего основной массе населения, типом автономной, самоидентичной и динамичной личности как субъекта своей жизни и деятельности, как субъекта гражданского и публично-властного участия, т.е. типом гражданина.